

ПОП ЭНТОНИ ДЖОНС

100

ИСХОД

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШУМЕВШЕГО
ПОСТАПОКАПИТИЧЕСКОГО ТРИЛЛЕРА

«ТОЧКА ВЫМИРАНИЯ»

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84 (7Сое)
Д42

Paul Antony Jones
Exodus

Серия «Сотня»

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Оксаны Ветловской*

Перевод с английского *Ольги Кидвати*

Печатается с разрешения
издательства Amazon Publishing
и литературного агентства «Синопсис»

Джонс, Пол Энтони

Д42 ИСХОД / Пол Энтони Джонс.— Москва: Издательство АСТ,
2015.— 316, [1] с.— (Сотня).

ISBN 978-5-17-089226-6

Молодая репортерша Эмили Бакстер оказалась одной из немногих переживших красный дождь, вызванный пришельцами и уничтоживший человечество. Но на смену потопу и вызванной им эпидемии приходит еще больший ужас. Мутировавшая земля порождает новую, устрашающую форму жизни. Теперь единственный шанс спастись для Эмили — отправиться на далекую Аляску, где нашли себе убежище остальные выжившие. Путь от Нью-Йорка до Аляски обещал быть долгим и трудным, ведь вешей у нее всего ничего, а сопровождает ее один только пес. Но, встретив по дороге семью беженцев, Эмили вновь начинает верить в светлое будущее. Однако на пути у беженцев встают новые хозяева планеты, ничуть не меньше желающие выжить, да к тому же обладающие пугающими способностями, в которые Эмили и ее спутники до последнего не хотят верить... пока не сталкиваются с жуткой реальностью лицом к лицу.

В битве, которая вот-вот начнется, не будет места ни ошибкам, ни милосердию, лишь самые примитивные инстинкты могут помочь спастись.

© 2013, Paul Antony Jones. All rights reserved
© Оксана Ветловская, обложка, 2015
© Ольга Кидвати, перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Все персонажи и события этой книги
вымышлены,
любые совпадения с реальными людьми,
живыми или умершими, случайны

Джеффу Вейну и Герберту Джорджу Уэллсу.
Спасибо, что подкидывали дрова
в костер моего воображения

Все, что у нас было, все, что мы делали,
Погребено в пыли.

Gotye. Широко раскрытие глаза

Притвориться, что мир в безопасности,
И ждать зова с небес.

The Cat Empire. Уже не тут

ПРОЛОГ

У капитана Фионы Муллиган была привычка наблюдать восход солнца.

И это неудивительно, ведь, если вы находитесь на борту металлической глыбы в двести сорок футов¹ длиной и мчитесь со скоростью семнадцать тысяч миль в час² по низкой орбите, совершая почти шестнадцать оборотов вокруг Земли в сутки, вы будете видеть множество восходов.

Большинство членов экипажа Международной космической станции спали не больше шести

¹ *Фут* (англ. *foot* — ступня) — единица измерения длины в английской системе мер. 1 фут = 0,3048 м (*прим. перевода*).

² *Миля* (от лат. *mille passuum* — тысяча двойных шагов римских солдат в полном облачении на марше) — путевая мера для измерения расстояния, введенная в Древнем Риме. Миля применялась в ряде стран в древности, а также во многих современных странах до введения метрической системы мер. В странах с неметрической системой мер миля применяется до настоящего времени. Британская и американская (статутная): 1 миля = 1609 м. Обычно, когда говорят просто «миля», подразумевают именно ее.

часов подряд, что вкупе с дезориентирующим эффектом пробуждения то в темноте, то при свете может сыграть злую шутку с биологическими часами. Однако Фиона нашла простое решение: каждый раз, когда представлялась такая возможность, она старалась подогнать свой подъем к одному из восходов.

Восходы на борту МКС радикально отличались от тех, что наблюдают обычно миллиарды живых душ на голубой планете, мерцавшей под ногами Фионы. Большинство земных восходов заслоняют облака, смог или городские здания, мешая как следует разглядеть простое чудо рождения нового дня. Но в маленьком рыночном городке Доркинг в Великобритании, где выросла Фиона, был образцово-показательный вид на небеса. Именно тогда, в самом раннем детстве, и зародилась в ней любовь к открытым пространствам и космосу. Но даже туманные зори и черные ночи детства меркли по сравнению с тем, что открывалось взгляду с высоты орбиты. Так смотрели на Землю члены экипажа МКС, Фиона и Господь Бог. И этот вид был просто великолепен.

Глядя из Купола Умиротворения (Узел 3), цилиндра размером с комнату, выступающего наружу сразу над (или сразу под, в зависимости от положения станции в данный момент) лабораторией США «Дестини», Фиона могла видеть, как далеко внизу медленно погружаются во тьму огни городов. Тусклое мерцание стремительно наступающего утра вырезало на арке Земли лазерно-острый серп. Он медленно превращался в тонкую сине-желтую полосу и начинал ползти к станции от горизонта по дуге земной поверхности. Становились видны плывущие над синим морем облака, и очертания далеких островов, и волнистые контуры Африканского континента.

Бушующая светом утренняя заря наносила широкие бирюзовые мазки на Южный полюс, когда сбоку встало Солнце, появившись из черноты космоса, как древняя птица феникс. Оно рассияло окутывавшие мир тени, и наконец ближайшая к планете звезда предстала во всей красе и могуществе. Солнце приветствовали нежной трелью забиравшие солярные панели, которые плавно разворачивались, чтобы начать собирать жизнетворную энергию.

Если верить станционной телеметрической системе, МКС находилась в настоящее время над южной частью Атлантического океана, быстро двигаясь в сторону Намибии. Пролетев над континентом, который когда-то дал человечеству жизнь, станция пройдет над Европой, а потом — над Центральной Россией.

За два месяца в космосе Фиона видела множество восходов, и каждый из них был по-своему особенным, поскольку станция всякий раз находилась в новом месте над поверхностью планеты.

Но в день, когда настал конец света, восход выглядел непохожим на остальные по другой причине.

Сперва капитан Муллиган подумала, что уникальность этого восхода — всего лишь разновидность оптической иллюзии, игра света, отразившегося от низких облаков, словно одеяло, затянувших почти всю поверхность планеты. А может, дело было в полярном сиянии, озарявшем северную часть Земли. Но, продолжая наблюдать за происходящим далеко внизу, Фиона поняла, что там творится нечто совершенно иное и абсолютно экстраординарное.

За быстро продвигающимся фронтом рассвета тянулась искрящаяся красная полоса. Вначале

это была едва различимая, тонюсенькая линия к югу от Индонезии, которая расширялась по мере приближения к Финляндии. Проводив полосу взглядом, Фиона увидела, что та постепенно расширялась: над экватором висела изрядной ширины багряная завеса, которая, по ее прикидкам, была никак не уже тридцати миль. Над тропиком Козерога красная полоса снова начинала сужаться, превращаясь в тонкую ниточку, исчезавшую где-то над Северным Ледовитым океаном.

Фиона тут же сообщила о странном явлении в Центр управления полетом, транслируя туда описание невероятной картины, а космическая станция тем временем продолжала свое движение по орбите.

Ни одного внятного предположения, что бы это могло быть, ни у кого не возникло. Красная полоса двигалась по планете, расширяясь в строгом соответствии с какой-то непонятной системой. Ученые (и на Земле, и на МКС) предположили, что это, возможно, некая причудливая погодная аномалия или дым от извержения подводного вулкана, которое никто не заметил. Однако, если бы эти теории были верны, полоса не была бы столь однородной и постепенно рассеивалась бы, как след от самолета. Ясно как день, что любое природное явление с течением времени пойдет на убыль; но тут ничего подобного не происходило, края полосы оставались четкими, ровными, а сама она продолжала методично продвигаться вперед, распространяясь по планете.

Из чего бы ни состояла эта завеса, она была достаточно плотной, чтобы сквозь нее невозможно было разглядеть море. Фиона видела, как завеса совершенно скрыла с глаз маленькую черную точку на воде — вероятно, это был курсирующий между странами танкер. Когда над

ним протянулась красная полоса, он исчез из виду, чтобы как ни в чем не бывало появиться снова с противоположной ее стороны. Он совершенно не изменился и продолжал идти прежним курсом.

Сказать, на каком расстоянии от поверхности земли находится эта противоестественная красная завеса, было невозможно, но, судя по движению корабля, капитан либо не счел ее чем-то опасным, либо у него просто не было времени, чтобы принять меры. Впрочем, вряд ли они бы помогли: похоже, красная полоса должна была постепенно пройти над всей планетой.

Происходящее лучше всего было наблюдать из Купола Умиротворения, но он был слишком мал, чтобы вместить больше двух человек сразу. Все члены экипажа по очереди присоединялись к капитану, чтобы взглянуть на медленно ползущую красную ленту и внести свою лепту в список версий и теорий.

Общее мнение в конце концов выразил Иван Крикалев, корабельный хирург, по совместительству высококлассный инженер.

— Возможно, это какая-то инопланетная форма жизни, — прошептал он, паря в невесомости рядом с Фионой и глядя в иллюминатор.

— Что-что? — переспросила она, не уверенная, что правильно расслышала его слова.

Безжалостный русский медленно повернулся к ней голову:

— Я сказал, возможно, эта ерунда имеет инопланетное происхождение. Среди гипотез о зарождении жизни на Земле есть теория панспермии¹. Может быть, мы сейчас наблюдаем процесс, под-

¹ Панспермия — гипотеза о возможности перенесения жизни во Вселенной с одного космического тела на другое.

твреждающий эту теорию. Кто знает? Других предположений у меня нет.

Фиона смутно припомнила документальный фильм на канале «Дискавери», где коротко, за недостаточностью доказательств, упоминалась данная теория.

— Что-то насчет того, что жизнь занесло на Землю из космоса?

— В основном вы правы, — сказал Крикалев. — Конечно, теория более сложна, однако она существует с пятого века. В основном, естественно, это догадки. Предполагается, что микроорганизмы переносятся с планеты на планету метеоритами или солнечным ветром, совсем как обычный ветер несет пыльцу растений. Вообще-то теорий много, но все они сводятся к тому, что семена жизни не возникли на Земле, а прибыли к нам откуда-то из Галактики. Возможно, сейчас мы как раз наблюдаем нечто подобное.

Международная станция мчалась по орбите дальше, красная нить, пересекавшая горизонт, будто кровоточащая полоса, терялась из вида, а капитан Муллиган обнаружила, что размышляет над версией Крикаleva. Интересно, думала она, если он прав, чем это грозит планете и тем, кто называет эту планету домом.

* * *

Примерно восемь часов спустя она получила ответ.

Экипаж МКС постепенно начал терять связь с земными станциями слежения и центрами управления полетом.

Первым был Центр управления полетом в подмосковном Королеве. Потом, когда по континенту расползлись смертоносные последствия красного

дождя, замолчал немецкий центр в Оберпфаффенхофене, а за ним погрузился во тьму Центр космических исследований и технологий в Нидерландах. К тому времени, как за ним последовала штаб-квартира Европейского космического агентства в Париже, экипаж соединил части головоломки, и общая картина происходящего стала настолько ясной, насколько это вообще было возможно, учитывая обстоятельства.

Последний разговор состоялся с радиостом двадцать второй космической эскадрильи, базировавшейся на гавайском острове Охай. Рассказывая о том, что творится в мире, радиост, молодая девчонка, изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал спокойно.

Она сказала Фионе, что родилась и выросла в Колорадо, там, неподалеку от Денвера, до сих пор жили ее родители, муж и дочь. Несколько часов назад связь с ними прервалась. Молодая женщина храбрилась, передавая на станцию ту немногую информацию, которая до сих пор к ней поступала, но Фиона слышала, как постепенно просачивался в ее голос страх, когда и для военной базы острова Охай настал роковой час. Радистка умерла на полуслове; Фиона слышала, как она выкрикнула имя дочери за миг до того, как связь окончательно прервалась.

В этот самый миг, когда капитан Муллиган и ее экипаж в ужасе внимали словам умирающей радиостки, все они осознали, что космическая станция, которая последние несколько месяцев была им домом, теперь почти наверняка станет для них могилой.

Конечно, на станции было достаточно топлива, чтобы почти до бесконечности удерживаться на орбите, но астронавты погибнут задолго до того, как оно закончится. Провизии хватило бы как

минимум на четыре месяца, да и вырабатывающие кислород системы корабля еще долго не выйдут из строя, к тому же системы жизнеобеспечения станции позволили бы им оставаться в живых еще долгое время после того, как истощатся запасы продовольствия.

Но что потом? У них не было никакой надежды на спасение, и впереди ждала лишь мучительная голодная смерть.

Экипаж Фиона составляли лучшие из лучших, практичные ребята, не склонные к поспешным решениям, однако они уже обсуждали, когда придет время открыть маленькие красные коробочки, которыми как раз на такой случай снабдило их Европейское космическое агентство. Каждая коробочка содержала по три таблетки модификации тетродотоксина — быстродействующего нейротоксина, который гарантировал безболезненную смерть всего через несколько часов после приема. Все сошлись на том, что нужно продержаться, сколько хватит сил, прежде чем прибегать к столь кардинальным мерам, но Фиона знала: никто на борту ее корабля не протянет долго, не имея ни малейшей надежды на спасение.

Следующие несколько дней они провели, настраивая и перенастраивая коммуникационные системы, шерстя военные и частные каналы в поисках частот, на которых, возможно, до сих пор ведутся передачи. Должны же остаться правительственные или военные объекты, не затронутые красным дождем, рассуждали они. Каким бы из ряда вон выходящим явлением он ни был, ему при всей его дьявольской эффективности наверняка не удалось вот так запросто уничтожить секретные базы, которые, как всем известно, существуют в каждой стране.

Или удалось?

Они смогли перехватить какой-то короткий разговор, мимолетный и призрачный, как треск помех, и в сердцах ненадолго расцвела надежда, что все не так ужасно, как кажется. Однако передача велась на языке, опознать который не удалось.

— Вероятнее всего, это какой-то шифр, может быть военный. Как знать? Без ключа мы не сможем понять, о чем речь, — объяснил их специалист по коммуникациям Брайант.

Шло время. Находясь на космической станции, капитан Муллиган и ее экипаж имели беспрецедентную возможность наблюдать за происходящими с Землей пертурбациями. На каждом новом витке МКС они замечали, как постепенно меняется планета; из такой невообразимой дали изменения казались ничтожными, но в масштабах Земли были стремительными и грозными.

Первые день или два, казалось, ничего не происходило. Мир продолжал вращаться, по океанам гуляли шторма, а города светились по ночам так же ярко, как прежде. При других обстоятельствах можно было даже подумать, что экипаж стал жертвой затянувшегося розыгрыша.

Первым заметил неладное Крикалев, указав на слегка красноватый оттенок воздуха над украинским Кировоградом.

При каждом следующем обороте вокруг Земли астронавты замечали все новые красные скопления, поначалу небольшие, едва заметные. В основном они были сосредоточены в больших городах по всему миру. На следующем витке стало видно, что краснота расползлась, растеклась во все стороны: так расплываются по воде брызги акварели. Через пять дней в небесах планеты под станцией бушевала яростная и совсем не земная буря. Через континенты и океаны тянулись